

Майя Кучерская

ПРИХОДСКИЕ ИСТОРИИ:

*вместо
проповеди*

Майя Кучерская

**Приходские истории:
вместо проповеди (сборник)**

«Издательство АСТ»

2013

Кучерская М. А.

Приходские истории: вместо проповеди (сборник) /
М. А. Кучерская — «Издательство АСТ», 2013

Майя Кучерская – прозаик, литературный критик, профессор Высшей школы экономики, колумнист газеты «Ведомости». Автор романа «Тётя Мотя» (лонг-лист премии «Национальный бестселлер»), биографии великого князя Константина Павловича в серии «ЖЗЛ», сборника притч и «приходских историй» «Современный патерик: чтение для впавших в уныние» («Бунинская премия») и романа «Бог дождя» (премия «Студенческий Букер»). В одном из интервью Кучерская сказала: «Нужно писать, руководствуясь любовью». О жизни русской православной церкви она так и пишет, но – без придыхания и напыщенности; о христианских ценностях говорит, не проповедуя и не призывая. Мягкий юмор и самоирония пронизывает собрание историй, анекдотов и притч о батюшках, матушках, монахах и мирянах, и предельно откровенную историю отношений новообращенной девушки и ее духовного отца, обретения веры и постижения себя. «Вместо проповеди» – прямые размышления о «вечных ценностях»: о счастье, благодарности, прощении...

© Кучерская М. А., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Современный патерик	6
Цикл первый	7
1	7
2	7
3	7
4	7
5	7
6	7
7	8
8	8
9	8
10	8
11	8
12	9
13	9
14	9
15	9
16	10
17	10
18	10
19	10
20	10
21	11
22	11
23	11
24	11
25	12
26	12
27	12
28	12
29	12
30	12
31	12
32	12
33	13
34	14
35	14
36	14
37	14
38	15
39	15
40	15
Цикл второй	16
Писательница	16
Артист	17
Массажистка	18

Верующий	18
Правильный выбор	18
Посещение божие	19
О пользе психологии	20
Неумеха	20
Благое попечение	21
Постник	21
Исцеление	21
Диалог о пользе смирения для души, потерявшей рай	22
Кукареку	22
Подвижник	22
Домик в деревне	23
Мастер	24
Цикл третий	26
Главное	26
1	26
2	26
3	26
4	26
5	26
6	27
7	27
Отец Николай	28
1	28
2	28
3	28
4	28
5	28
6	28
7	29
8	29
9	29
10	30
11	30
12	30
13	30
14	30
Отец Тихон	31
1	31
2	31
Цикл четвертый	32
Лакомка	32
Весельчак	32
Победа православия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Майя Кучерская

Приходские истории: вместо проповеди (сборник)

Современный патерик

Уже несколько лет из самых разных концов России мне приходят истории о батюшках, матушках, мирянах и архиереях со скромными приписками: может быть, Вам пригодится, только имени, пожалуйста, не называйте. Не назову. Еще и потому, что настоящий патерик (сборник рассказов из жизни христиан и мудрых изречений) – жанр совершенно серьезный и документальный. Для верующего человека нет сомнений, случались ли события, описанные, например, в Киево-Печерском патерике, на самом деле – конечно, да. И цели у подобных патериков высокие – привести человека к Богу.

Этот сборник следует числить совсем по другому ведомству – ведомству изящной словесности. Да, отдельные исторические персонажи в «Современном патерике» присутствуют, и все они, кстати, названы своими именами, но даже про них автор рассказывает небылицы. И как не поверни, «Современный патерик» – художественная проза. Изредка вытканная по реальной основе, чаще – нет. Так что тем, кому во что бы то ни стало захочется разыскать в отдаленной российской губернии норку православного ежика или попробовать яблоки из чудесного сада, выращенного ангелами, боюсь, придется нелегко.

Отдельно обращаюсь и к тем, кто не разглядит надежды на дне самых печальных историй, кого ранят батюшка-людоед и мама-убийца, а ученые речи о литературной условности, законах пародии и сатиры только разгневают: прежде чем бросить книжку в огонь (с предыдущими изданиями «Патерика» случалось и такое), имеет смысл, прочитать последнюю главу. Обещаю, станет легче.

И признаюсь чистосердечно: сама возможность нашего общения – для меня огромная радость и ощущение невероятного простора. Столько людей живет на белом свете, и вот эти совершенно незнакомые люди, в Петербурге, Москве, Киеве, Томске, Милане, Торонто, Бостоне однажды открывают твою книжку. Читают, смеются, соглашаются (спорят) с тобой. Еще вчера мы друг друга не знали – и вдруг знакомы. Происходит это чудо встречи. Всем за него сердечная и по-прежнему удивленная благодарность. Приятного чтения.

Ваши Автор

Цикл первый

Чтение в рождественский пост

1

Трапезовали. Вдруг отец Феопрений полез под стол. И залез, и сидел там среди грубо обутых ног братии. Ноги не шевелились. Тогда Феопрений начал лазать и дергать всех снизу за рясы. По смирению своему никто не упрекнул его. Только один новоначальный инок спросил с изумлением: «Отче! Как прикажешь понимать тебя?»

– Хочу быть как дитя, – был ответ.

2

Старец, о котором известно было, что он прозорлив, поручил послушнику срубить тополь, росший прямо посередине монастыря. Послушник, желая постичь прикровенный смысл просьбы, сказал: «Батюшка, а зачем его рубить-то?»

– Лергия замучила, внучок. От тополиного пуха, – ответил старец и чихнул.

– Будьте здоровы, – сказал послушник и побежал за электропилой.

Ибо обладал даром рассуждения.

3

Отец Стефан дернул брата за бороду.

– Ой-ой-ой! – закричал брат.

– Ты же молчальник, – изумился Стефан.

– Ну и что же, – сказал брат. И горько заплакал.

4

Один инок премного унывал. Никакие средства не могли его исцелить. Тогда братия подарила ему на именины заводную машинку. Машинка умела сама поворачивать, библикать и мигать фарами.

– Ух ты, машинка! – воскликнул инок.

С тех пор он не унывал никогда в жизни. Каждый день перед сном он нагружал в кузов машинки камешки, заводил ее и смотрел, как она едет по келье, сама поворачивает, мигает фарами и тихо библикает.

5

Братия спросила старца:

– Скажи, отец, где лучше строить нам сарай для дров? Поближе к забору или рядом с банею? А может быть, за воротами?

– Где хотите, – отвечал старец.

6

Отец Иегудил облился гороховым супом.

– Слушай, Вася, постирай-ка мою рясу, – сказал он одному недавно поступившему в монастырь послушнику.

– Да я не умею стирать, – возразил Вася. И засмеялся.

– Вот и научишься, – ответил отец Иегудил. И засмеялся еще громче.

7

Пошла раз братия в лес погулять. Только начали гулять, как вдруг отец Иаков потерялся.

– Яша, Яша! Ау! – стала кликать его братия. Но в лесу стояла тишина. Только звонко куковала кукушка и подрастали под елками грибы.

– И почему он не откликается? – размышляла братия. – Может быть, он ушел в затвор? Или принял обет молчания?

А отец Иаков залез на высокое дерево, притворился кукушкой и смотрел сквозь листья, как его ищут. И смеялся, и куковал!

8

Отец Гаврюша был очень толстый и хрюкал во сне. Один новоначальный инок не был знаком с монастырскими порядками и, услышав хрюканье, стал бегать по монастырю и искать поросенка. Прыгал по кроватям, пихал палкою в темные углы, даже залез на крышу и покидал камешки в водосточную трубу. Так и не нашел.

9

Инок Степаненко так усердно молился всю ночь, что расшиб себе лоб. Наутро товарищ спрашивает его:

– Что это, Степаненко, у тебя шишка на лбу? А вчера не было. Наверное, молился всю ночь?

– Да нет, это я просто упал.

– А я думал, молился всю ночь!

– Да нет, это я просто упал.

– А я думал...

– Да нет, это я просто упал.

– А не знаешь, как наши с канадцами сыграли?

– Да нет, это я просто упал.

10

Некоторый брат перестал вкушать пищу.

– Почему ты ничего не ешь? – спросили его соседи по келье.

– А я постник, – объяснил брат.

– Да, но так ты скоро умрешь с голоду.

– Да? – отвечал инок. – Умру с голоду?

И, подивясь рассудительности их, стал есть, получив назидание.

11

Один инок пришел к старцу жаловаться на другого.

– Он очень плохой! – сообщил инок старцу. – Сколько раз собственными глазами я видел, как совершал он тяжкие прегрешения.

Старец же перевязал грязной и вонючей тряпицею глаза брату, сказав ему:

– Накажем двух негодников – пусть созерцают и обоняют теперь душу своего хозяина.

– Подобна ли душа моя этой гадости? – спросил брат.

– Много хуже, я просто тебя пожалел!

С той поры брат, видя кого согрешающим, немедленно приближал к лицу смердящую тряпку, которую всегда хранил теперь при себе, и получал утешение.

12

Однажды в монастырь заехали участники Всемирной конференции и за трапезой начали угощать братию колбасой, привезенной из Финляндии.

Братия нарочно отворачивалась в другую сторону, чтобы не видеть и случайно не съесть. Один старец ужасно обрадовался.

– Вот удружили старику, вот вельми, вот зело!.. – приговаривал он с набитым ртом. А сам все ел, ел, ел. И съел всю колбасу из Финляндии.

Очень удивлялась Всемирная конференция.

13

Старец одной святой обители, желая показать гостям из дальних стран, какого послушания достиг его келейник, подозвал его и, указывая на рыжую дворняжку в монастырском дворе, сказал:

– Видишь, брат Иоанн, что творится! По монастырю разгуливает волк!

– Как бы он не передушил наших кур. Не принести ли ружье? – отвечал Иоанн.

Гости же из дальних стран захлопали от восхищенья в ладоши.

14

Увидев у своей кельи толпу страждущих мирян, отец Паисий бросился бежать. Резво кинулись за ним страждущие, кто-то схватил было его за кончик мантии, да упустил.

Долго бегали они так за непослушным духовником, помяли уже две монастырские клумбы, но догнать не умели и до того расстроились, что пошли жаловаться на отца Паисия игумену.

Игумен же, выйдя на крыльцо, поманил отца Паисия толстым пальчиком и говорит ему на ухо:

– Что ж ты, братец, бежишь от своих духовных чад, а?

– Не от них, отец, но от духа тщеславия, – отвечал запыхавшийся отец Паисий.

15

Один брат пришел к старцу посетовать на свою тяжелую жизнь. Когда же старец стал давать ему мудрые советы, как ему быть, брат отвечал на все: «Нет, этого я не смогу, и с этим не справлюсь, и того не сумею».

– Эй, Леха, – позвал тогда старец своего келейника, – приготовь-ка этому манной каши. Он очень слаб.

16

Отец Доримедонт объелся шоколадом. Шоколад ему прислала в посылке мама, и, идя с почты, отец Доримедонт потихоньку случайно всё съел.

Вечером он лежал, держась за живот, и не мог уснуть. Братия, жалея его, водила вокруг его кровати хоровод и пела монастырскую колыбельную. Но отец Доримедонт по-прежнему был уныл.

– Глядите, он держится за живот, – заметил один из иноков. – Наверное, заболел от подвижничества. Принесу-ка из холодильника шоколадку, чтобы сделать ему утешение!

– Только не это, – простонал отец Доримедонт с ужасом. – Дай мне лучше глоток подсоленной воды.

Услышав это, братия подивилась образу его жизни и увеличила пост.

17

Инок Амвросий, исполнявший послушание в трапезной, после окончания братской трапезы сел за стол и, достав из тайника глазированные сырки, начал поглощать их один за одним.

В этот момент другой инок вошел в трапезную и увидел вкушавшего сырки брата.

– Прости, отче, что напоминаю тебе! – заметил вошедший инок. – Но нынче день строгого поста, ибо сегодня Рождественский сочельник.

Отец Амвросий в изумлении поднял глаза на говорившего, и его тут же вырвало.

18

Брат Антоний соскучился и решил жениться. «Я женюсь!» – сообщил он братии. Братия же по любви к нему не хотела отпустить его одного в грешный мир и постановила пойти с ним вместе, дабы разделить его участь. Старец же в ту пору уехал на Всемирную конференцию, и посоветоваться было не с кем.

Собрались монахи у ворот, перекрестились на прощанье на храмы, а тут и старец входит в калиточку – вернулся с конференции.

– Благослови, батюшка, в последний раз, идем в мир жениться! – с плачем обратилась к нему братия.

– Бог благословит, ребятки, да только... – Старец замялся.

– Что? Скажи нам!

– Бабы – такие ...!

В тот же миг иноки разбежались по кельям.

19

Некий брат впал в искушение и, придя к старцу, сказал:

– Отче, я понял, что Бога нет, и уйду из монастыря.

Старец заплакал и сквозь слезы отвечал:

– Чадо, чадо мое! Ты так ничего и не понял. Иди куда хочешь.

Инок же остался.

20

Брат пришел к авве Аверкию и сказал ему:

– Я такой ленивый, что тяжело мне даже подняться, чтобы идти на послушание. Каждый день для меня каторга, и чувствую, что скоро я совсем надорвусь от труда и самопринуждения.

– Если так тяжело ходить тебе на работу, – отвечал авва, – не ходи. Оставайся в келье и горько оплакивай свою леность. Да рыдай погромче! Увидев, как горько ты плачешь, никто не тронет тебя.

21

Рассказывали про авву Аверкия, что часто он натыкался на стены и разные предметы, имея много синяков на теле и даже лице, ибо ум его был занят созерцанием.

22

Брат Дукикий спросил авву Пахомия:

– Отче, не знаю, как вести себя с братией в нашей общей келье и за трапезой. Всё, что ни сделаю, всё не так, и превратился я, того не желая, в клоуна. Братья постоянно смеются надо мной и говорят обо мне за моей спиной насмешливо.

Авва Пахомий отвечал ему:

– Ничто так не огорчает и не соблазняет брата, как непохожесть одного на других. Если же постараться не отличаться от живущих здесь, увидишь, как смирение обнимет твою душу, и никто более не обеспокоит тебя.

23

Один брат, пребывая в глубокой скорби, жаловался отцу Пахомию:

– Батюшка! Каждую ночь меня жестоко мучают бесы. Только лягу спать, закрою глаза, и вдруг так захочется курицы! Жареной, с корочкой, вокруг золотая картошечка, укропчик. Или не курицы, а просто рыбы. Финской красной рыбы с белым хлебом и маслом. Или встану на молитву, а самому смерть как хочется покурить, выкурить всего одну сигаретку. Ну, и запить чарочкой вина. Кажется, будто все силы ада, все бесы ополчились на меня...

– Браток! – отвечал, посмеиваясь, старец. – Ну какие же это силы ада, какие бесы! Бесы мучили древних отцов, пустынников, праведников и преподобных. А мы... На нас еще дьяволу тратить силы. Так что это не бесы. Это просто твои желания. Для победы над ними не нужно даже подвигов. Не нужно даже быть монахом.

– Что же нужно, отче честный?

– Сила воли, родной, сила воли. А чтобы закалить ее, каждое утро отжимайся по десять раз и обливайся холодной водой. И довлеет ти.

– А молитва Иисусова? А земные поклоны?

Но старец ничего не отвечал более вопрошавшему брату, сказав, что продолжать беседу ему недосуг.

24

Отец Платон говорил: «Наступило время великого расслабления и немощи. Мы не способны ни на что и ничего не можем. Давайте хотя бы признаем это. И да помилует нас Всемилостивый Владыка».

25

Новоначальный инок спросил отца Платона:

– С чего лучше начать путь ко спасению?

Он же отвечал:

– Позвони уже маме.

26

Еще говорил: «Только не надо изобретать велосипеда».

27

Еще: «Нельзя веровать сквозь зубы».

28

Женщинам говорил: «Каждый день вари себе овсяную кашу. В кипящую воду страстей бросай крупу добрых дел; осаливая ее молитвой и улащая любовью к ближнему, помешивай лжицей рассудительности. Бог даст, к вечеру обретишь себе немного подходящей пищи».

Мужчинам же говорил: «Заряжай аккумулятор почаще, а то скоро не заведешься совсем. Тогда не поможет никакой “Ангел”».

29

Одному иноку явился Ангел.

– Ангел? – поразился инок.

– Ангел, – отвечал Ангел.

– А вдруг ты не по правде и притворяешься? – вострепетал брат и перекрестился. – Вдруг ты просто белая птица?

– Что ты! Я по правде. Хочешь, на, потрогай. – И Ангел протянул ему сияющее крылышко.

Инок же, желая коснуться его, вместо перьев щупал пальцами только воздух – крылышко было самое настоящее, ангельское!

30

Сказывали об отце Иеремии, что при нем состоял специальный келейник, который каждый час менял авве носовые платки – так много тот плакал.

31

Один послушник был очень чувствителен и часто проливал во время служб обильные слезы. Братия прозвала его плаксой.

32

Два брата поссорились. Послушниками они жили душа в душу, но после нескольких лет безмятежного жития их рукоположили – одного, потом и другого. А инокам в этом монастыре

полагалась отдельная келья. Братьям предстояло разъехаться. Всё, что у них было, они разделили поровну, только никак не могли поделить видеомагнитофон. Отцу Геннадию его подали, зато отец Мефодий его чинил, два раза на собственной машине возил в ремонт, не говоря уже про фильмы, которые тоже в основном покупал сам. Из-за видеомагнитофона братья чуть не подрались. В гневе они даже забыли про телевизор. И отправились к старцу.

– Отче! Рассуди нас, – бросились они в ноги к авве Михею. – Никак не можем поделить видеомагнитофон, попросту видик. Одному его подарили, другой его чинил и покупал к нему видеокассеты, чей же он теперь?

Авва же спросил:

– А что, есть у вас хорошие фильмы?

– Целый короб! – отвечали братья.

– И «Москва слезам не верит»?

– Да, отче!

– И «Служебный роман»?

– И он.

– А боевики со Сталлоне?

– И боевики.

– Все ясно, – отвечал авва. – И видик, и кассеты немедленно несите ко мне в келью, не забудьте прихватить и телевизор. Как только решу посмотреть, позову вас в гости, будем смотреть вдвоем.

Утешенные братья поступили так, как заповедал им старец. И телевизор, и видеомагнитофон, и коробку с фильмами они сложили у него в келье.

– Нужно ли подключить? – спросили старца братья.

– А вот это, ребятки, я сам, – отвечал старец и, благословив, отпустил их с миром.

Но с тех пор старец так ни разу и не позвал их, братья же не решались напомнить ему о давнем его обещании.

33

Послушница Екатерина получила письмо. Прочитав на конверте обратный адрес, Катя чуть не закричала: «Денис, Дениска Гришаков!» Тот самый, что делал ей предложение всего полгода назад. Тот самый, которому она предпочла монашество. Глубокая печаль и тоска по Денису немедленно охватили Катину сердце. И она отправилась к старцу.

– Вот, – сказала она авве, – в миру Денис Гришаков сделал мне предложение, но я отказала ему, ушла в монастырь. А вчера он прислал письмо, только я боюсь его раскрывать, такая тоска на сердце. Вдруг он зовет меня обратно?

Отец Андриан положил руку на письмо и тут же заулыбался.

– Раб Божий Дионисий, великое счастье посетило тебя! Как тяжело пришлось бы тебе, если бы Катя стала твоей женой! Слава Богу, что этого не случилось, – обратился батюшка уже к Кате. – Старайся теперь для Господа, старайся как для любимого, с которым и в шалаше рай, и ничего больше не нужно, только бы быть рядом.

– Как же я буду для Него стараться? – удивилась Катя. – Дениса я хотя бы видела, гуляла с ним за ручку, а Бога не видела никогда.

– А ты помогай сестрам, будь с ними ласкова, и тогда скука тебя оставит, а любовь к единственному Твоему Жениху начнет расти. Письмо же отдай мне, но день сегодняшней запомни, ровно через год приходи, почитаем, что он там написал.

Катя отдала батюшке письмо, он положил его в нижний ящик своего стола, только прочесть письмо ей так и не довелось: спустя несколько месяцев батюшка занемог и умер – где уж

тут искать давнее письмо. Ровно же через год с того заветного дня от приехавших в монастырь знакомых Катя узнала, что Денис женился.

34

Отец Иоанн куда-то засобирался. Отнес библиотечные книги в библиотеку, постирал носки, заштопал все дырочки на рясе, вычистил ботинки.

– Уж не бежать ли ты собрался? – поинтересовалась у него братия. – Уж не домой ли, к матушке с батюшкой?

– Туда, – признался отец Иоанн с улыбкою. – Везде хорошо, а дома лучше, – добавил он и в ту же минуту испустил дух.

35

Старец гулял около монастыря в лесу. Вдруг смотрит – на дороге стоит девочка с котенком в руках и горько плачет.

– Почто плачешь, чадо?

– Вот, дедушка, котенок мой сорвался с дерева и помер.

– Этот, что ли? – спросил старец, тыкая пальцем в мертвого кота.

– Этот, – кивнула девочка и зарыдала еще громче.

– Да он же просто притворяется! А ну, отвечай: кис-кис-кис, ты ловить умеешь крыс? Животное не шевелилось.

– Ах так! – рассердился старец. И, выпучив глаза, закричал: – Ну тогда я тебя сейчас съем!

Котенок так напугался, что от страха воскрес, жалобно замыкал и спрятался к девочке за пазуху.

36

Матери Феодосии поручили ухаживать за курицами. Женщина с высшим филологическим образованием, Феодосия прежде курочек только ела и справлялась с обязанностями плохо, претерпевая большие скорби.

Как-то раз игуменья в очередной раз громко ругала Феодосию. Как вдруг раздалось кудахтанье – серый волк, схватив курицу, убежал прочь.

– А ну-ка, догони его да принеси курицу обратно! – вскричала игуменья сердитым голосом. Феодосия бросилась за волком.

– Именем Господа Моего отдай! – закричала она страшному зверю. – Отдай немедленно!

Напуганный волк, видя, что за ним гонятся, повернулся и выпустил добычу. Феодосия подняла курицу и отнесла ее в курятник.

Сильно помятая, но живая, курица к вечеру совершенно оправилась. А наутро снесла золотое яйцо.

– Вот, сестры, вкусите от плода послушания, – сказала матушка игуменья, показывая яйцо на трапезе. Но никто не мог разбить его. По некотором размышлении сестры поместили его в монастырский Музей Чудес.

37

Про отца Феофана, долгие годы жившего отшельником в дремучем лесу, говорили, что если находил он мертвого зверя или птицу, то хоронил их по христианскому обряду, служил

панихиду об упокоении «усопшей твари» и не забывал ставить на могиле крестик, сбитый из двух сучков.

38

Зима выдалась бесснежной. Стоял канун Рождества, а снег так и не выпал.

Скитоначальник одного небольшого скита отправился в дальнюю пустынь к старцу-отшельнику. Провидя духом, для чего тот пришел, отшельник вышел к нему и принял его с радостью.

– Праведный отче! – начал жаловаться скитоначальник. – Через два дня наступит Рождество, а у нас до сих пор нет снега. Братия унывает. Точно малые дети, иноки повторяют, что без сугробов и снега и Рождество не Рождество. Прости, отче, и скажи, как быть!

– Почему же вы не помолились и не попросили Бога?

– Молились и просили не один раз, но вот – ни снежинки.

– Может быть, вы плохо молились? Хочешь ли знать, что это так?

Тут старец простер руки к небу и начал молиться. Через несколько минут на ясном небе собрались темные снеговые тучи, и повалил снег. Скитоначальник в ужасе пал на лице свое и поклонился старцу. Но когда поднялся, старца уже не было рядом – он убежал в лес.

39

Пасха наступила в конце апреля. Всю ночь отшельник Феофан молился, а под утро услышал, что в окна к нему стучат клювами птицы. Он вышел на улицу. На поляне перед его избушкой собрались все лесные звери – медведи и волки, лисицы и зайцы сидели рядом и сквозь прозрачные сумерки глядели на него.

– Христос воскрес! – проговорил старец и, склонясь к мохнатым мордам, похристосовался с каждым. Затем обнимал по очереди все деревья вокруг, целовал стволы и всё повторял: «Христос воскрес! Христос воскрес!»

– Воистину воскрес! – звучало в ответ.

40

Едва брат Даниил поступил в монастырь, как тяжело заболел. Братия же, зная о его несправедливой прошлой жизни, молила Бога, чтобы он не умер, а еще пожил вместе с ними и имел время для покаяния. Однако вскоре Даниил перестал подниматься и был уже на пороге смерти. Братия пришла к нему попрощаться. Он долго не откликался, молча лежал с закрытыми глазами. Но внезапно очнулся:

– Что это – Пасха, братие?

– Какая Пасха, Данилушко! На дворе февраль, ты не слышишь, как завывает вьюга?

– Я слышу пение, – отвечал Даниил. – Разве это не вы поете «Христос воскрес»? И откуда этот свет? – спрашивал он.

Иноки же молчали, не зная, что и подумать.

В ту же ночь Данила умер. Метель улеглась, а снег по-прежнему крупно, часто падал. Укрыл весь монастырь, все дорожки, все крыши и только с золотых скользких куполов слезал, полз мягкими комьями.

Цикл второй

Чтение для вкусивших сладость истинной веры в недавнее время

Писательница

Жила-была одна девушка. Оканчивала Литературный институт. И надо ж такому приключиться – влюбилась. Юноша тоже пописывал стишата, сочинил даже драму в четырех действиях, но главное, ходил в церковь. Слово за слово, влюбленную девушку юноша обратил. Всего месяц походили они вместе на службы, почитали друг другу стихи. Как вдруг юноша получил приглашение из Швейцарии. Там у него обнаружили родственников, которые и вызвали его к себе на вечное поселение.

А девушка осталась в Москве, просвещенная светом истинной веры. С горя она стала писать еще больше. Писала она в основном прозу, работала в малом жанре – рассказы, новеллы, очерки, редко когда повесть сочинит, но всё с одной лишь тоски. И вот покаялась она однажды батюшке: «Эх, батюшка, бросил меня любимый, и пишу я с горя прозу!»

– Ну что ж, – отвечал батюшка, – дело житейское, грех небольшой, всё в жизни бывает, только не публикуй.

– Да как же, – возражает девушка, – мне вроде и предложили уже напечататься в журнале «Юность», поскольку я еще юная.

– Мысль, – говорит батюшка, – неплохая в принципе. Но только сначала ты принеси это мне. Я прочитаю и тебя благословлю.

Девушка согласилась, приносит. А батюшка хоть сам по мирскому своему образованию и был биологом, но почитать, полистать книжечки любил. Читает это батюшка девушкины рассказы, и аж слеза его прошибает! Талант у девушки. Хорошо пишет! Только неправославно. Любовь опять же плотскую, душевную, страдания всякие сердечные описывает – земное одно, словом, нету, как бы это получше выразиться, правильного у нее направления, святой церковью нашей она вроде и брезгует – даже не поминает ее! Сказал это батюшка девушке и наказал, как что напишет, и дальше ему приносить. А с журналом «Юность» договор пока что расторгнуть.

Девушка была начитанная, послушание проявить знала, что положено, расторгла договор. Дальше рассказы пишет, юношу своего, швейцара, не то чтоб забыла, но сильно поблек уже образ его, и новый воссиял образ – батюшкин! Во всем его девушка слушается, рассказы ему приносит, он их читает, вот вроде чуть побольше стало божественного, появились верные образы, хвалит ее, поправляет даже кое-что карандашиком, еще немного, говорит, и публиковаться начнем. Еще немного, думает девушка, и публиковаться начнем.

Тут она как раз встретила того знакомого из журнала «Юность», правда, теперь он в другом работал журнале. Прочитал ее рассказ-другой и намекнул, что писать она стала хуже, слишком уж «нестандартно», – возможно, имея в виду, что девушка несколько спятила. Так прошло три года, потом еще два, потом четыре, началось совершенно новое тысячелетие, и девушка вроде б постарела уже, стала как-то горбиться некрасиво. Нет мне, говорит, в жизни счастья, дело даже не в публикациях, просто нет, и всё. Не хватает мне чего-то. Может, самореализации, может, славы, может, детей, а только миру я не нужна. Ну, и того-с. Утопилась в Москва-реке.

Батюшка отпевал ее.

Дорогие братья и сестры! Какой делаем вывод из этой истории? Девушка была психически ненормальная.

Артист

Один мальчик пошел с мамой в театр. И театр его поразил. Артисты были там как настоящие животные, и всю неделю потом мальчик этих животных изображал. Потому что называлось представление «Маугли». А через неделю мальчик снова запросился на тот же спектакль. Что ни сделаешь для любимого ребенка: позвонила мама подруге, подруга с этим делом была связана, работала в киоске, продавала газеты, а рядом, в другом киоске, продавались билеты в театры, и они с той кассиршей дружили. Достала подруга билеты с переплатой совсем небольшой, снова пошли мама с мальчиком в театр. И просидел мальчик весь спектакль, легонько приоткрыв рот, а на антракт сильно разгневался. И снова целые дни изображал дома Багиру, Шерхана и обезьян.

– Мама, вырасту – стану артистом, – говорил мальчик.

– Без блата ты не поступишь, – говорила ему мама. – А денег на взятки у меня нет.

Но вот мальчик вырос, пришел в Государственный институт театрального искусства на творческий конкурс. Начал читать монолог. Комиссия так и ахнула: у мальчика талант! Что делать – поступил Федя с первого раза, окончил, пошел работать в известный театр, много снимался в кино, в самый популярный сериал его позвали играть бандита, мама смотрела сына по телевизору и утирала от радости слезы. Только самому Феде больше нравились спектакли в театре, чтоб утягивало вверх пыльный занавес, в глаза светили прожекторы, а он тихо выходил на сцену в костюме или даже без.

Тут-то и отправился их театр на очередные гастроли, в Новгород. Гулял Федя по городу и зашел в их главную Софийскую церковь. Там постоял немного, посмотрел на иконы, свечку зажег, хор послушал и – надо же! – понял, что Бог существует. Стал Федя верующим, начал заходить в храм, что рядом с их домом находился, исповеди посещать, причащаться раз в две недели. Тут батюшка его и спроси: «А кем ты, молодой человек, работаешь?» У них ведь это без церемоний, сразу на «ты», потому как люди им – братья. Но Феде, наоборот, это очень понравилось: и что на «ты», и что всё по-простому.

– Артист я, – говорит.

– Артист?! Кого ж ты играешь?

– А кого придется.

– Что же, и любовные сцены, и объятия?

Федя ответ держит честно.

– И объятия, – говорит, – а как же, без этого нам нельзя. Мы и голыми в одном спектакле на сцену вы-ходим – такая у нашего режиссера находка; правда, к зрителям стоим спиной. Ради этого все на эту вещь и ходят.

– Ну вот что, – громко и властно проговорил батюшка. – Все это одна бесовщина. Надо тебе это дело бросать. Парень ты молодой, профессий в мире много. Вот врачом быть хорошо, строителем можно, нам столяр как раз нужен, а занятие свое грешное совсем оставь, не православное оно! Разумеешь ли?

Разумею, кивает Федя. Год продумал. Все-таки жаль было бросать. Но что не сделаешь ради спасения. К тому же и денег в театре почти не платили, а на сериале тоже далеко не уедешь. И бросил. Еще год учился на краснодеревщика и стал работать в храме того батюшки столяром. Иконостас вырезал такой, что его в каталог древнерусского искусства поместили ошибочно. Лавочки в храме тоже похорошели, ножки резные, сиденья в виде длинных лодий сделаны, сидеть не очень удобно, зато красиво, православно, по-русски так, батюшка не нарадуется – и человека из губительного болота вытащил, и храму польза. И сам Федя вроде тоже доволен.

Только Фебина мама очень расстроилась. Бандита, которого Федя в сериале играл, убили по сценарию, чтобы объяснить Фебино отсутствие. И с тех пор появились у мамы странности. Как придет к ней Федя в гости, не хочет его пускать, ты, говорит, все равно уже умер, сынок, зачем ты ко мне приходишь, покойников я не люблю. Но Федя все равно к ней приходил, приносил продукты, гладил маму по морщинистой ручке. И она в общем уже не возражала.

Массажистка

Таня Коркина выучилась на массажистку и стала делать разным больным детям массаж. Да до того умело, что чуть не творила чудеса. Разрабатывала неподвижные ручки, ножки, снимала гипертонусы и гипотонусы, недоношенных делала богатырями, дэцэпэшников поднимала на ноги. От благодарных родителей не было отбоя, клиентура росла с такой скоростью, что на массаж к Тане записывались уже за полгода, а между тем Таня стала верующей и православной. Появился у нее духовный отец. Узнав Таню получше, он объяснил ей, что дети страдают за грехи родителей. И на то, чтобы им болеть, есть воля Божия. А раз она их своим массажем поднимает на ноги, значит, и все родительские грехи переходят на нее. Таня занервничала: что же делать? Как понести такую ношу? Сколько прошло через ее руки – уже и не сосчитать, значит, грехов-то сколько! А батюшка тут как тут. Говорит: очень просто. Оставь свое ненужное массажное дело, а чтобы гора чужих грехов, которые давят на твои плечи (и Тане показалось: правда давят!), рассосалась – читай каждый день по три акафиста. Иисусу Сладчайшему, Матери Божией и Николаю Чудотворцу.

Так Таня и сделала. Никаких массажей, всем твердый отказ, каждый день – по три акафиста, живет с тех пор на мамину пенсию и не сомневается, что вот-вот, по молитве любимого батюшки, встретит жениха. Поскольку знает: за молитвы духовного отца случается и не такое. Не верите? Не те вы читали книжки.

Верующий

Один человек поверил вдруг в Бога. Тут же достал у приятеля пистолет Макарова и застрелился.

Правильный выбор

У одного батюшки дар был, от Бога. Все еще только правый придел ремонтируют, второй год крышу починяют, занавесочкой вместо алтарной преграды прикрываются, а у него уже серебряные купола сияют золотыми звездами, в иконостасах иконы XVI века, а придел один даже новый выкопали и освятили, под храмом, подземный такой придел, для особых случаев.

Кто-то только отвоевывает у мэрии домик для причта, а у него таких домиков уже четыре: один для причта, другой для воскресной школы, третий для мальчиков-сирот, четвертый – приют для одиноких старушек. В каждом домике – антикварная мебель, кресла вольтеровские, мраморные полы, хрустальные люстры: взирая на красоту рукотворную, вспоминает человек и о красоте творения Божия, а там, глядишь, и о самом Творце.

С домиками разобрался, купил три магазина, все тоже православные, в одном облачения продают, в другом – книжки церковные, в третьем – соевые продукты, на случай больших и малых постов. С магазинами разобрался – купил конюшню. Чтобы прихожане катались по праздникам на лошадях, не унывали зря, друг на друга не жаловались. Ну, где конюшня, там и площадка с аттракционами – выстроили свой миниатюрный Диснейленд, с русскими святыми вместо Микки и Дональда.

С Диснейлендом разобрался – начал строить православный бассейн, чтобы было куда окунуться после изнурительной великопостной службы или, наоборот, скачек и катаний на каруселях. Выстроили бассейн, поставили рядом сауну. Поставили сауну – нужен православный спортзал. Выстроили спортзал, нужны тренажеры. Купили тренажеры, нужна православная гостиница. С конференц-залом. Потому что гости из-за границы повалили валом, набираться у батюшки православного пастырского опыта. Построили православную гостиницу, понадобился православный аэродром. Построили аэродром, запустили чартерных рейсов несколько десятков, в двадцать шесть стран мира, и у батюшки, само собой, свой православный самолетик маленький, но и вертолет, конечно, тоже, обозревать владения, опять же, катать гостей.

Правда, некоторых гостей сильно укачивало, для них – что не сделаешь ради ближнего! – прорыли канал к Москва-реке, организовали паломнические круизы и православный флот. Только по воде все-таки выходило медленно – куда деваться, начали прокладывать православную железную дорогу. Но и дорогу надо охранять, от разбойников, случайных людей – организовали свою православную армию, с хоругвями, хором, всем, чем положено. Тут батюшка видит, пора становиться православным президентом, подумал-подумал, но махнул рукой. Если еще и президентом, служить будет некогда, а я все-таки иерей, по чину Мелхиседекову. Так и не стал президентом, остался батюшкой.

Посещение божие

Один батюшка был очень бедный. Третий священник в подмосковном храме, какие уж тут доходы. Настоятель, если что и просачивалось, всё забирал себе, а после треб требовал со священников мзды. Так что дети у третьего батюшки были одеты в обноски, матушка зимой жалась в осенней курточке, на требы батюшка ходил по морозу пешком, в вытертом пальто, с облупившимся от времени чемоданчиком. Одно слово – нищета.

Тут и случилось с батюшкой Божие посещение. Пришел к нему старый, со школьных времен еще приятель, Яша Соколов. Освяти мне, говорит, дом, а я в долгу не останусь. Настоятеля в тот день как раз в городе не было, и он об этом деле ничего не узнал. Сели они в какую-то хорошую машину, поехали. Вдруг видят дворец. С башенками, балконами, флюгерами, всё как полагается. «Это мой дом и есть», – говорит Яша. Вошли они во дворец, а там всё из чистого золота. Люстры, столы, стулья. Только ручки изумрудами и жемчугом инкрустированы. Удивился батюшка, но что ж, начал дворец освящать. После освящения хлопнул Яша в ладоши, из стенки выехал стол с невиданным угощением, винами заморскими, пряниками печатными, второй раз хлопнул, люди вошли, парни плечистые, нарядные девушки. «Это мои друзья», – объяснил Яша и всех пригласил за стол. Многих блюд батюшка не знал даже названия, а многие так и не смог попробовать – не вместились.

Видит батюшка, Яша вроде расслабился, наливает ему и себя, конечно, не забывает, батюшка его и спроси: «Где же ты, Яша, работаешь?» Яша как засмеется. И долго еще оставаться не мог. Нам, говорит, работать не положено, запаadlo это, ну, понял, в натуре, кто мы? «Нет, что-то не понял», – никак не поймет батюшка. Яша и скажи ему: «Бандиты мы, ясно?» – «Ясно», – испугался батюшка. «Но ты не бойсь, тебя мы не тронем, ты мой кореш и нам еще сгодишься». Тут Яша с батюшкой щедро расплатился, кивнул невидимым слугам, и они отвезли батюшку домой.

И пошел с того случая батюшка по рукам: кого повенчает из Яшиных друзей, кого окрестит, кому опять же освятит замок, а кого и пособорует после ранения на разборке. Словом, пошел батюшка с того дня в гору. Отстроил новый дом, придел матушку, деток отдал в частную школу, тоже и им нужно хорошее образование, а себе купил «шкоду» новенькую (только белую, чтобы выглядело поскромнее, настоятель-то ездил на «жигулях»). Вскоре, правда,

настоятеля сместили, настоятелем стал наш бывший третий батюшка, но, видит Бог, он того не искал, как-то уж само так вышло.

А бандиты? Ну и что? Разве они не люди? А отсекай их от благодати Божией – грех, там, глядишь, и покаются, как праведный разбойник на кресте. Так что до скорой встречи в обителях рая!

О пользе психологии

Макс по кличке Скрипа был не просто виртуозным городским щипачом, но и великим психологом. Особенно хорошо понимал он женщин. И угадывал по одному лишь взмаху ресниц, по случайно скользнувшей по лицу улыбке или вдруг проступившей складке меж бровей, можно ли начинать охоту – не приметным движением погружать пальцы в чужой карман, надрезать сумочку, – или лучше пока не торопиться. Он достиг такого совершенства, что легко определял в толпе не только тех, чьи мысли витали неведомо где и кто был совершенно безоружен перед его воровским искусством, но и тех, кто, обнаружив пропажу, его бы простил. Таких было немного, но и такие были. На спор с братьями Макс несколько раз проделывал один и тот же фокус: определял такую всепрощающую жертву, нарочно грубо вынимал у нее кошелек, оказывался пойман с поличным – но всякий раз точно отфильтрованная жертва не поднимала крик, а просто умоляющим шепотом (не из страха – из жалости!) просила его вернуть деньги. Макс возвращал. Но про себя и смеялся, и дивился.

Он не попался ни разу, и позже это сослужило ему неплохую службу.

Потому что к тридцати пяти годам Макс как-то страшно разочаровался. К тому времени он уже, конечно, не толкался в толпе, а контролировал один из городских рынков и жил не тужил, но вот надо же... устал, заскучал. Налег на спорт, в юности он несколько лет занимался каратэ, познакомился в фитнес-клубе с одним человеком, тренером по борьбе, который оказался верующим и укладывал Макса на обе лопатки за двенадцать секунд, попутно объясняя, что для победы важны не приемы, а правильный внутренний настрой. Какой настрой? А вот такой. Неагрессивный. В общем, начал Макс ходить не только в фитнес-клуб, но и в церковь, читать книги, вникать. И покался.

Сейчас храм отца Максима самый богатый в городе. Во-первых, конечно, братки предпочитают своего бату, притекают к нему дружной толпой, жертвуют немерено, улаживают все вопросы с церковным и городским начальством, основали фонд помощи заключенным. Но, во-вторых, опять-таки психология. Приходит к отцу Максиму какая-нибудь женщина, не успевает и рта раскрыть, как батюшка сам рассказывает ей, в чем ее проблемы, как с ней обращаются муж, свекровь, дети, а как начальник на работе. Дальше уже сами его собеседницы теряли дар речи, и отец Максим даже не говорил, как эти проблемы решить, никаких особенных рецептов не давал – какие уж тут рецепты, терпи да молись, потому что главное было совершенно не в том. Главное – женщины чувствовали, что вот нашелся человек, который их наконец-то понял. И уходили совершенно утешенные.

Так что слывет отец Максим в своем приходе человеком святым и прозорливым, имеющим дар обращать разбойников и врачевать женские печали.

Неумеха

Один батюшка вообще ничего не умел. Не умел отремонтировать храм, и храм у него так и стоял пятый год в лесах. Не умел с умом заняться книготорговлей, выбить точки, запустить книжный бизнес. Не умел отвоевать себе домика причта или хотя бы помещения под воскресную школу.

У него не было нужных связей, щедрых спонсоров, десятков и сотен преданных чад, не было машины, мобильного, компьютера, e-mail'a и даже пейджера. У него не было дара рассуждения, дара чудотворения, дара прозорливости, дара красивого богослужения – служил он тихим голосом, так что, если стоять далеко, ничего не было слышно. И чего уж у него совершенно не было, так это дара слова, проповеди он мямлил и повторял всё одно и то же, из раза в раз. Его матушку было не слышно и не видно, хотя она все-таки у него была, но вот детей у них тоже не было. Так батюшка и прожил свою жизнь, а потом умер. Его отпевали в хмурый ноябрьский день, и, когда люди хотели по обычаю зажечь свечи – свечи у всех загорелись сами, а храм наполнил неземной свет.

Благое попечение

Про отца Иоаникия известно было, что у него дар – исповедовать подробно. Исповедуешься у отца Иоаникия – и словно побывал в бане, выходишь пропаренным, чистеньким. Люди записывались к нему на исповедь за двадцать четыре рабочих дня. Варвара Петровна тоже записалась, но все равно стояла в очереди и успела только последней, в пять часов утра. Отец Иоаникий начал задавать ей вопросы.

Не слишком ли много времени тратила на стирку? Не выбрасывала ли продукты? Суп? Кашу? Мандарины? Свеклу? Курицу? Мясо? Редис? Работала ли в воскресные дни? Как именно? Мыла ли пол? Гладила ли? Протирала ли пыль? Чистила ли уши? Не совершала ли грех содомский? Не страдала ли малакией? Случалось ли тайноядение? Мшелоимство?

Исповедь длилась два часа, как раз до утренней службы. Утром Варвара Петровна пришла домой, включила все газовые конфорки, не поднеся к ним спички, и легла на диван прямо в верхней одежде. Но тут неожиданно приехал ее муж: забыл дома документы, вернулся с полдороги. Открыл своим ключом дверь, выключил конфорки, вылил из всех банок святую воду, выкинул в мусоропровод кусочек Мамврийского дуба, окаменевшую просфорку от мошей великомученицы Варвары, еще что-то, покрытое пушком плесени, разломал свечи, поцеловал Варвару Петровну в побледневший лоб и сказал медленно: «Еще раз пойдешь туда – убью».

Дорогие братья и сестры! Не забыл бы муж документы, попала бы Варвара Петровна в ад. Будем же благодарить Господа за Его всесвятое и благое попечение о нас, грешных!

Постник

Один батюшка был людоедом. Приходит к нему человек на исповедь, а домой уже не возвращается. Приходит молодая пара венчаться – и исчезает навеки. Приносят младенца крестить – пропадает и младенец, и крестные родители. А просто батюшка их всех съедал. Только в посты все было благополучно, люди у него исповедовались, крестились, соборовались без всяких исчезновений. Благочинный, конечно, знал про эту батюшкину особенность, но всегда говорил, что заменить ему батюшку нечем – зато как строго человек держит пост.

Исцеление

Одна женщина сильно заболела. Обратилась к духовному отцу. Духовный отец сказал: «Ваша болезнь не к смерти. Отслужим молебен великомученику Пантелеймону, будете каждое утро пить святую водичку, даст Бог, поправитесь». Больная так и сделала, унесла из церкви двухлитровую банку целебного напитка, стала пить его и растирать им больные места. Но ей делалось всё хуже и хуже. Тогда батюшка предложил ей мазаться по вечерам иерусалимским маслом, которое исправно привозило ему каждый год одно чадо. Больная начала смазы-

ваться иерусалимским маслицем. Тут ей стало намного легче, но не до конца. Тогда батюшка велел женщине прочесть сорок акафистов святым бессребреникам и врачам Косме и Дамиану, в день по акафисту. И всё шло хорошо, но на тридцать пятом акафисте женщина умерла. Выяснилась и причина – скоротечный рак правого легкого. Так что врачи бы тут тоже уже не помогли, не успели. А так хоть помолилась раба Божия перед отшествием ко Господу, готовилась.

Диалог о пользе смирения для души, потерявшей рай

- Батюшка, очень болит голова.
 - Что ж, для смирения полезно.
 - Батюшка! Смотрите, мне отрезали ногу.
 - Что ж, для смирения полезно.
 - Батюшка! Отрубили правую руку.
 - Что ж, для смирения полезно.
 - Батюшка! На левой руке раздробили пальцы.
 - Что ж, для смирения полезно.
 - Выкололи глаза...
 - Что ж, для смирения полезно.
 - Вырвали ноздри...
 - Что ж, для смирения полезно.
 - Батюшка! Отрубают голову.
 - Ну а вот это, пожалуй, уже слишком.
- Отрубленная голова, подпрыгивая:
- Почему?!
- Батюшка:
- Кто же теперь будет смиряться?

Кукареку

Послушник Андрей решил, что он юродивый. И стал говорить звериными и птичьими голосами.

Идет настоятель. Андрюша ему: му-у. Идет благочинный: ме-е. Брат повар: хрю! Брат регент: мяу. То есть просто всех запарил. На послушания ходить перестал, на уговоры не поддавался, только мычал, квакал, гагакал и кукарекал. Сначала все терпели, вздыхали: а что поделаешь – может, и правда юродивый? Человек Божий. Тем более иногда получалось ужасно смешно. Как-никак разрядка в непростой монастырской жизни. Но отца игумена это в конце концов утомило. Он отправил отца Андрея на ежедневное послушание в мир – ездить в дом ребенка в ближайшем городке и учить там малышей голосам животных.

Подвижник

Один юноша решил уподобиться древним подвижникам. Нашел в сарае ржавые гвозди, связал их вместе и сделал себе вериги, которые доставляли ему ужасные мучения, царапая тело до крови. Через две недели юношу увезли в больницу с заражением крови и только чудом спасли от неминуемой смерти. С тех пор он не носил больше вериг и каждый раз, взирая на шрамы от гвоздей, говорил себе: «Вот, дурак, плоды твоей дурости».

Домик в деревне

Миша Петров решил постичь сладость молитвы Иисусовой. Вот, думает, затворюсь где-нибудь подальше, чтоб ни друзей, ни телефона, ни электронной почты. Днем и ночью молитва, редкий сон, скудная трапеза, так, водичка, сухарики, ну и чтение священных книг.

Долго колебался из-за мобильного, брать не брать, все-таки глушь, мало ли что случится, но потом сообразил, что роуминга в глуши не бывает. И оставил мобильник дома.

Сессия как раз кончилась, практику в этом году можно было отрабатывать в сентябре, и Миша решил бежать в домик в деревне, год назад на спор купленный во время диалектологической экспедиции у одной бабки – за четыре тыщи рублей вскладчину. Миша и три его товарища выиграли тогда у девчонок десять бутылок пива. Это был дом бабкиной покойной сестры, и бабка была рада-радешенька этим тыщам, за домиком обещала присматривать, ну и все такое.

Родителям и трем другим друзьям-совладельцам Миша сказал, что едет навестить их имение, про молитву, конечно, ни слова – и друзья очень обрадовались, только с Мишей никто ехать не захотел: у всех оказались другие планы.

Ехал Миша два с половиной дня и наконец прибыл в Осаново. Так называлась эта деревня с домиком. Стучит к бабке-продащице, звали ее немного по-литературному, Агафья Тихоновна, но все равно она была настоящая сибирская бабка. В общем, как у Валентина Распутина.

– Здравствуйте, Агафья Тихоновна, – говорит ей Миша. – А как избушка-то наша на курьих ножках, не сгорела ли?

– Что ты! – рассердилась Агафья Тихоновна. – Стоить.

И они пошли на другой конец деревни проведать домик. Домик и правда стоял, чуть только меньше он в этом году Мише показался и беднее, но так всё такой же. Открыла бабка дверь, вошел он в домик – а там травками какими-то пахнет, так и висят они в сенях пучками неизвестно сколько лет.

Темновато, конечно, но ничего. Бабка ушла, Миша бросил рюкзак, осмотрелся, нашел ведра, ветошь какую-то тряпичную, сходил за водой к колодцу, вымыл окошки. Тут же стало светлей. Потом Миша повесил иконы – молиться-то перед чем? Книги священные рядом положил в стопочку, четки на руку повесил. Только чувствует – пора все-таки закусить. Ну что за молитва без трапезы?

Достал продукты, из Москвы привезенные, и консервы, и сахар, и соль, и огурцы, а хлеба-то нет!

Пошел в местный магазинчик. Вот что значит капитализм: в прошлом году этого магазина здесь не было, а теперь вот он – кирпичный, аккуратный такой, и, в общем, всё есть. И кока-кола, и сникерсы. Купил себе и того, и другого. Но и хлеба тоже. А тут и Агафья Тихоновна в магазин приходит – его ищет, ты ко мне заходи, картошки тебе отдам, прошлогодняя, крупная, как кулак. Так и оказалось. И три яичка ему Агафья Тихоновна к картошке прибавила – из-под собственных кур. Тут и Марья Егоровна, соседка, зашла к Тихоновне, тоже зовет его к себе. Миша пошел, Егоровна угостила его баночкой молока от своей коровы и пригласила приходить еще.

Разложил Миша всё свое богатство на деревянном некрашеном столе, хлебушек, картошку, налил себе в железную кружку парного молочка, пожарил яичницу с ненормально желтыми желтками. По избе дух стелется травяной; как ни странно, ни одной мухи. Сидит и думает: «Господи, хорошо-то как! Вот и иконочки у меня тут висят, и книги разложены, что еще надо? Сейчас поем и начну молиться. А на улицу уже ни ногой, ни к чему все это – рассеянье».

Но после обеда Миша достал спальный мешок, разложил прямо на полу и как убитый уснул. Просыпается, а совесть его мучает – всё спишь да ешь, а как же молитва-то Иисусова, ты для чего сюда приехал? Но куда-то задевались четки, на руке они мешались, да и стеснялся Миша с ними выходить на улицу, снял перед походом в магазин, а куда дел, не помнил. Искал, искал, нашел. Оказались в сенях, на гвоздике, сам забыл, как повесил. Наконец тихо встал он перед иконами, зажег лампадку, всё как полагается. Вдруг на улице потемнело, дождь пошел, и – надо же! – потолок, как раз над святым углом, начал темнеть – вода проходит, прохудилась крыша.

Только кончился дождь – Миша скорее на крышу, на лестнице одна перекладина обломилась, еле забрался, а там и правда всё сгнило... В общем, дел хватило, и Миша, даром что мальчик из интеллигентной семьи, за всё брался, всё делал в охотку, и бабусям сильно помогал, и свое хозяйство вел собственное, почувствовал себя хозяином, простым человеком на родной земле, Львом Николаевичем в поздний период.

Ну а молитва? Да ведь и так всё было хорошо. Вернулся Миша загоревшим, даже немного потолстел. Агафья Тихоновна и Марья Егоровна как следует его откормили.

Мастер

Жил да был на свете православных дел мастер. Жил не тужил, потому что дела у него не переводилось. Клиентурой в основном были женщины. Приезжали они в его скромную избушку в подмосковной деревеньке со всех концов русской земли и просили лишь об одном:

– Сделай ты меня, мил-человек, православной. Только не переборщи. Чтобы всё было в самый раз и тютелька в тютельку.

– А вот об этом, матушка, беспокоиться не извольте, комар носа не подточит, – вежливо отвечал мастер и, надев черный кожаный фартук, принимался за работу. Работал он быстро, споро, укладывался в несколько часов.

Начинал всегда с голоса: вставлял клиентке железное горло, и говорить она начинала с той поры тихим, будто навеки сорванным голосом, но на самом деле не сорванным, а смиренным. Потом брался за глаза – капал в них пипеткой специальную смесь-поволоку, особой такой дымки напускал, легкой-легкой, так что глаза у женщин навсегда становились печальными и глядящими будто бы с некоторым тайным укором, а при особой просьбе – несколько вкось. Но не укор это был и не косина, а осознание собственной греховности. Дальше брался мастер за губы. Делал в краешки губ по укольчику – и улыбаться с тех пор женщины уже не могли. Христос ведь никогда не смеялся. Скорее всего, и не улыбался тоже. Значит, таковыми же должны были стать и его истинные ученицы. Так мастер комментировал свои деяния.

Следующим был цвет лица – специальный зеленый крем, настоящий на полезных травах, не вытравимый долгие годы, делал лицо землистым, в чем и содержался намек на возможное тайное подвижничество. Дальше мастер брался за походку и осанку, и после краткого сеанса массажа походка у клиентки делалась неторопливой, слегка шаркающей, а голова опускалась, так что отныне печальные с поволокой-укором глаза не только косили, но и смотрели исключительно долу. Дело оставалось за малым. Каждой своей клиентке мастер вручал на прощанье особый платочек. Стоило повязать его на голову или даже на шею, как любая одежда смотрелась на тебе мешковато и сиром. Вот, собственно, и всё. Клиентки расплачивались с мастером кто как мог, но обычно весьма щедро, сельские вечно везли что-то со своих огородов и из-под кур, столичные штучки (их было большинство) к гонорару прилагали дорогие коньяки или виски. В общем, мастер не бедствовал, а клиентки отправлялись домой, счастливые тихим православным счастьем.

На женщинах православных дел мастер неплохо набил руку и как-то к ним привык. Поэтому, когда к нему приходили мужчины, немного терялся, хотя виду, конечно, не подавал.

Так же брался за молоток, пипетки, крема. И все же мужчины у мастера получались похуже, с какой-то невытравимой вечной женственностью в очах и облике, с длинными волосами, блуждающим взором, слабой волей, иногда выскакивало и заикание. Может, путал он порошки или халтурил и для мужчин использовал женские средства? Неизвестно. Однако болезненный вид, шаркающая походка, мрачный блуждающий взор – всё это оставалось и при мужчинах.

Изредка приводили к мастеру и детишек. Но дети поддавались обработке совсем уж плохо, просто делались после сеанса дергаными и бледными, а некоторые не поддавались вообще, так что мастер запретил приводить детей к себе. И они ждали мам в коридорчике.

– Ну а сердце, сердце? – спрашивали мастера особо продвинутые. – Главное-то – не внешний, а внутренний человек. Сердце православным сделать можете?

– Сердце, – отвечал честный мастер, – поменять не могу. А то бы давно уже на земле наступило Царство Божие. А это в замысел Господень никак не входит.

На досуге он любил полистать Откровение Иоанна Богослова. Особенно ему нравились описания разных чудо-зверей.

Цикл третий Хороший человек

Главное

1

Один батюшка был горьким пьяницей, а в свободные от запоя моменты баловался травкой.

Ну и что? Главное, чтоб человек был хороший.

2

Один батюшка был неверующий. Все он делал как положено и очень старался, только вот как-то не верил в Бога. Об этом в общем все знали, но прощали ему. А вот как раньше, если коммунист, необязательно же в коммунизм верит. Ну, так же и батюшка. Главное, чтобы человек был хороший.

3

Один батюшка страдал kleptomaniей. То крестик золотой стянет из церкви, то просто десятку из кармана у дьякона. Все об этом в общем знали, но понимали – ну, kleptomан. Главное, чтоб человек был хороший. Батюшка ценил народное доверие и, когда горка наворованных вещей у него дома становилась слишком высокой, складывал всё наворованное в большую сумку и раздавал бедным на паперти. Вот что значит хороший человек.

4

Один батюшка не любил голубых. Но еще больше он не любил, когда про каких-нибудь батюшек, монахов там или кого повыше рассказывали, что они в своем монастыре вообще все того. Тут этот батюшка страшно темнел лицом, смотрел на собеседника в упор и говорил очень отчетливо: «Батюшек голубых не бывает!» Вставал, выходил из комнаты, дергал краешком рта, пил валокордин. Только вот зачем было портить себе нервы? Да хоть оранжевый. Главное-то, чтоб человек был хороший.

5

Один батюшка был большой женолюб. Любовался женскою красотою, завитком, выбившимся из-под платка, полными чистых слез женскими несчастными глазами, глядящими на него во время исповеди, и влюблялся чуть ли не в каждую мало-мальски симпатичную свою прихожанку. И думал про себя так: «Ах, если бы я мог на ней жениться!» Но так ни на ком и не женился, жил со своей матушкой, чинил в ванной кран, забивал куда надо гвозди, забирал вечерами детей из школы, ну и служил, конечно, тоже. Так что главное – оно и есть главное.

6

Один батюшка ненавидел людей. Произошло это с ним не сразу. Сначала он всех любил. А потом разлюбил. И презирал. Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей. Потому что людей было много и с годами становилось всё больше, и они, эти безликие жаркие толпы, – во-первых, дышали, во-вторых, толкались, лезли вперед, громыхали банками для святой воды, тыкали ему в лицо вербами, чтобы он получше их окропил, в-третьих, задавали шизофренические вопросы, на исповеди рассказывали про плохих мужей и свекровей, требовали советов, но советов никогда не выполняли, в-четвертых, верили в сглаз, в-пятых, носили причащать дико орущих внуков по совету бабушек-колдуний. И по большим праздникам батюшка даже служить старался с закрытыми глазами. Ему казалось, что вот он откроет глаза – и его ненависть к ним сразу же их испепелит. Но так-то человек он был очень хороший, в кругу друзей и семьи – приветливый, ласковый. Просто раздражительный слегка. А человек отличный. С детьми в воскресной школе делал воздушных змеев.

7

Один батюшка терпеть не мог евреев. Куда ни глянь, всюду они: русскому человеку ни проходу, ни дыху! Какой фильм ни включишь, режиссер – еврей. Какую книжку ни возьмешь – еврей написал. Про музыку даже говорить нечего. Всюду эти наглые, носатые, жидовские рожи! И нет бы сидели в своей синагоге, так ведь еще и лезли в Русскую православную церковь, теснили простых русских людей. Своими возмущенными чувствами батюшка делился с прихожанами, прихожане его внимательно слушали, ну а жида, ясное дело, обходили батюшку за версту.

Так оно всё и шло, батюшкины взгляды ни для кого не были секретом и ничему, разумеется, не мешали – он был в почете, за выслугу лет, за то, что восстановил храм практически из руин, организовал общину сестер милосердия, ездил к заключенным. Время от времени батюшку награждали разными священническими наградами, а на тридцатилетие служения к нему в храм приехал сам патриарх.

Одно было не слава Богу: любимая и единственная батюшкина дочка рисковала остаться в девках. Кто-то ей не нравился, кому-то не нравилась она. Сыновей у батюшки не было, и он надеялся, что, может быть, хоть внук станет его преемником. Но какие уж тут внуки. А дочке уже двадцать семь, восемь, девять лет. Как вдруг сыскался жених. Да какой! Настоящий русский богатырь – косяя сажень в плечах, рослый, кудри темно-русые, глаза голубые. И умный! И работающий! И ездит на собственной машине! Но главное – от дочки батюшкиной без ума. Ну, и она к нему, конечно, не равнодушна. Вскоре приехал жених делать предложение, по-старинному так – в галстуке, с букетом алых роз. Родители с ног сбились, не знают, как ему угодить, матушка его потчует, батюшка поддерживает ученый разговор, а дочка сидит ни жива ни мертва и не шелохнется. Тут же ударили по рукам, назначили день свадьбы, обсудили разные хозяйственные дела, стоит жених уже одетый в коридоре и вдруг говорит: «Да, кстати, мама у меня еврейка, а папа русский. Я в папу пошел, и фамилия у меня его, но мама – еврейка. Это я на всякий случай сказал». И ушел.

Что тут началось! Батюшка кричит, ногами топает, дочка рыдает, матушка между ними бегаёт и по очереди холодное полотенце к головам прикладывает. Читатель, ты уже обо всем догадался, да? Всю ночь промолился батюшка перед иконами в белых рушниках, всю ночь просил Господа о вразумлении, а наутро, осунувшийся и бледный, вызвал дочь на кухню, обнял и говорит: «Эх, доча, доча, главное-то, чтобы ты была счастлива. Сама понимаешь, главное, чтоб человек был хороший».

Так и не отказали жениху. И никогда об этом не пожалели. Вот какие на свете бывают чудеса.

Отец Николай

1

Отец Николай жил на острове. Люди ехали к нему на поезде до Пскова, потом до деревни, оттуда три километра пешком, дальше плыли на моторных лодках и катере. А зимой шли пешком по льду или катились на специальных машинах, которым не скользко ехать по льду. Во льду отражалось заходящее красное солнце.

Люди думали: «Сейчас мы увидим великого старца, и он нам все объяснит». А отец Николай говорил им: «Зачем вы приехали? Я вам все равно ничего не скажу».

2

Он был уже очень старенький и худой. Только руки у него были сильные, отец Николай бил ими по лбу всех глупых и непослушных. И пел песни, чисто и громко, как молодой. Отец ведь его был регентом церковного хора, и батюшка с детства любил церковное пение.

3

Ранней осенью, когда все разъезжались, над островом вставала тишина. Коровы лежали на песке и смотрели на серую воду. На воде качались черные лодки, кричали чайки, вдоль берега лежало много больших камней, а самый большой камень назывался Литвинов. Почему он так назывался, никто точно не знал, но все думали – потому, что когда-то тут, на острове, были литовцы. Отец Николай показывал камень всем островным гостям.

4

Однажды к отцу Николаю приехали несколько студентов. Паша Андреев хотел спросить его, жениться ему или нет. Но беседа шла общая, про женитьбу говорить было некстати, студенты долго задавали батюшке разные духовные вопросы, батюшка отвечал им, и вот все начали прощаться. Паша был в отчаянии. Тут отец Николай наклонился к нему и тихо сказал: «Женись, женись».

5

Одному юноше отец Николай сказал: «Будешь митрополитом». Юноша женился, стал отцом семейства, иереем, а вскоре и настоятелем большого московского храма, потом протоиереем, с наградами, правом ношения, правом служения, только вот митрополитом так и не стал.

6

Косте Трудюлову отец Николай ничего не предсказывал и никакой прозорливости по его поводу не проявлял, хотя Костя к нему часто ездил. Только однажды батюшка посмотрел на Костю внимательно и, легко бия его по щекам, сказал ласково: «Что, так хочешь стать современным человеком?» Спустя четыре года Костя отошел от церкви, стал пить, менять девчонок,

смеяться смехом опытного курильщика марихуаны, хотя отца Николая по-прежнему любил и помнил, просто ездить к нему перестал. Да ведь тот почти и не принимал в последние годы.

7

Катя Якобинец стремилась в монастырь с пятнадцати лет. Она училась в музыкальном училище, все свободное от учебы время пропадала на службах, любила молиться, любила авву Дорофея, а по окончании училища стала регентом женского Зачатьевского монастыря. Иногда она даже не возвращалась домой – оставалась ночевать в монастыре. Матушка выделила ей отдельную келью, потому что очень ценила хорошее пение, но Катю не торопила. Катя сшила себе на заказ два черных подрясника, купила черный платок, всюду ходила с четками, опустив глаза. Вопрос об ее уходе в монастырь был практически решенным. Катины родители были, конечно, в ужасе. Но тут уж ничего не поделаешь – атеистическое воспитание! Так что оставалось только взять благословение у старца. И Катя отправилась на остров Залит.

Все складывалось очень удачно. С поезда она успела на катер, и катер отвез ее на остров. Молитвами отца Николая! В церкви Кате сказали, что отец Николай уже принимает, нужно идти к его домику. Катя легко нашла домик и встала в небольшую очередь приехавших к батюшке. Каждый подходил к нему, задавал вопросы, а батюшка коротко на них отвечал. Вскоре наступил и Катин черед.

– Батюшка, собираюсь уходить в монастырь, – сообщила отцу Николаю Катя. – Благословите.

Но отец Николай молчал.

– Только еще не решила, в какой монастырь, – продолжала Катя. – Меня даже в Новое Дивеево в Америке приглашали.

– Америка далеко, – улыбнулся батюшка. – А монастырей хороших много. И лучше всего идти на Афон...

– Батюшка, но туда... – попробовала возразить Катя.

– На Афон! – твердо отвечал ей батюшка и, благословив, отпустил.

Всю обратную дорогу Катя проплакала. А вернувшись домой, повесила на вешалку черный подрясник, сложила на полку платок и вскоре подыскала себе замену для руководства хором. Через год Катя вышла замуж, сейчас она уже матушка. Смотреть ей в лицо невозможно – сияет от счастья.

8

Отец Николай очень любил читать стихи. И если узнавал, что человек учился на филологическом факультете, говорил ему: «Так запомните же вы, что частицы *же*, *ли*, *бы* пишутся без черты». Некоторые филологи задумывались и искали в этих стихах тайный смысл: может быть, *же*, *ли*, *бы* — это чьи-то имена. Женя, Лида, но вот *бы*? Или это жизнь, любовь и Бог? И их нельзя перечеркнуть. Так думали филологи, а один даже записал стишок в тетраточку и решил написать про него научную работу. Как вдруг догадался, что это просто такое правило русского языка, а стишок сочинен, чтобы правило лучше запомнилось. Отец Николай раньше работал учителем в школе.

9

Часто батюшка повторял: «Кому церковь не мать, тому Бог не Отец».

10

А в конце разговора всегда просил: «Помолитесь за меня, меня Николаем зовут».

11

Много лет на острове Залит жил не только отец Николай, но и баба Дуня. Иногда отец Николай отправлял к ней приехавших на остров переночевать. И баба Дуня всех принимала. Она была маленького роста, но довольно крепкая, в шерстяном зеленом платке слегка набекрень, с чистыми, ясными глазами. Сын у нее утонул, муж погиб на войне, но две взрослые дочки часто навещали и помогали ей. Она была не брошенная.

Однажды бабе Дуне делали тяжелую операцию, и батюшка в это время «открыл врата и молебствовал в церкви». Когда баба Дуня ехала прооперированная на белой тележке, вся больница высыпала в коридоры на нее смотреть, потому что все ее уже узнали и полюбили. Перед операцией бабе Дуне приснился сон. Будто она стоит в церкви, а рядом ее родственница, уже умершая, и много, много народу. Весь народ валит к алтарю, и баба Дуня хочет со всеми. Но родственница говорит ей: «Стой на своем месте. Стой здесь». Тут баба Дуня проснулась. А потом поняла: все, кто валил в алтарь, – это те, кто умер или вот-вот умрет, а ей еще рано. Операция прошла успешно, батюшка ведь молился, и баба Дуня всем про это рассказывала. «Батюшка у нас старец», – серьезно добавляла она. Перед сном она зажигала перед иконами лампадку, крестилась, кланялась, а потом лампадку гасила. Это была ее молитва. Всех, кто к ней приезжал, баба Дуня кормила, укладывала спать, а на следующий день выходила на пристань провожать и обязательно махала им ручкой. Вот и всё.

12

Однажды в зимние студенческие каникулы к отцу Николаю приехали три девушки, три студентки филологического факультета.

– Слава Тебе, Господи, не утонули! – сказал отец Николай и перекрестился: девушки ведь шли по льду с большими трещинами и страшно боялись. Рыжая собачка бежала за ними и тихо скулила, а потом отстала, потому что совсем испугалась.

Батюшка провел девушек в церковь и велел сделать перед иконой три поклона Царице Небесной. Потом он узнал, что все три учатся на филологов, и обрадовался. «Так запомните же вы, что частицы *же, ли, бы* пишутся без черты!» А потом сказал одной, кем она будет, назвал два основных ее занятия в жизни. А двум другим не сказал. Хотя было и им что сказать: одна из них стала монахиней, а другая – женой священника. Но отец Николай сказал только третьей, все правильно, всё сбылось потом, каждое его слово, только почему ей одной – неизвестно. Наверное, потому, что она была самая беспокойная. Фамилия ее была Кучерская.

13

«Ухожу от вас», – грустно говорил отец Николай и крестился. Все замирали и не могли от скорби дышать. «Но не навсегда», – добавлял батюшка и улыбался.

14

«Прошел мой век, как день вчерашний,
Как дым промчалась жизнь моя,
И двери смерти страшно тяжки

Уж недалеко от меня», —

всем, кто приезжал к нему, батюшка читал эти стихи. Все думали: это батюшка прозорливо предсказывает свою кончину. Но годы шли, а батюшка жил да жил и по-прежнему читал эти стихи. Он говорил, что проживет сто четыре года, однако умер в девяносто три. Накануне отец Николай вымылся, облачился в священническое облачение, взял в руки крест, лег и умер.

Отец Тихон

1

В одной деревне родился мальчик. Отец его был кузнец, а мать – простая крестьянка. В детстве он кормил кур, сеял, боронил, смотрел, как отец стучит молотом по огненному железу, но больше всего на свете любил играть в священника. Брал плоску, привязывал ее к веревке, насыпал в плоску камешков и кадил по всему дому. Потом мальчик вырос, выучился (а он очень любил учиться) и стал учителем. Он преподавал в школе физику и математику, и дети его любили, но не безумно. Больше любили физкультурника, он играл с ними в футбол. А потом этот человек наш женился, у него родились сын, дочь, и он стал батюшкой. Не очень-то рано – ему было уже пятьдесят лет. И опять ничего особенного он не делал, просто ходил в церковь, служил там какую положено службу, литургию и всенощную, отпевал, венчал, а бывало, что и покрестит. Он очень смешно смеялся, странно и немного чудно, и кто слышал его смех, сам смеялся от такого смеха. С людьми батюшка разговаривал ласково, и ручки у него пахли чем-то легким и сладким, только это было совершенно неважно, он мог молчать, и ручки могли не пахнуть. Просто когда он смотрел на человека, человек не знал, что от счастья делать.

У него был плащик, и была шляпа, и были сапоги. Он в них ходил по улице, от храма к своему деревянному дому. В доме его ждала жена, которая в старости могла повторить за полчаса один и тот же вопрос одиннадцать или шестнадцать раз. Он отвечал ей все шестнадцать раз и не сердился. И когда писал ей в разлуке письма, подписывался: «Тиша».

2

По его молитве Господь сотворил множество чудес: кто-то исцелялся, кто-то решал свои семейные проблемы, у кого-то исполнялась заветная мечта, кто-то прощал того, кого не мог простить целую жизнь, всё было как и у всех старцев, только это было совершенно неважно.

Цикл четвертый

Чтение для впавших в уныние

Лакомка

Один инок заунывал и решил повеситься. Ну, надоело как-то всё, достали человека. Снял в келье люстру, подергал крюк – вроде крепкий, веревочку хорошенько намылил – мыло «Клубничное», пахучее такое, противное, начал уже стол пододвигать, смотрит: на столе лежит конфета. «Стратосфера», самая любимая его с детства, там еще розовые ракетки улетают в синий открытый космос. Конфеты дали вчера в трапезной на обед ради престольного праздника, а он сберег, да и забыл. Ладно, думает, съем, а там уж повешусь. Развернул конфету, в рот положил, а фантик – фьють! – и улетел на пол. Непорядок. Он тут повешенный висит, а на полу фантик. Нагнулся инок поднять, а в щели между досок бумажка какая-то валяется. Вытаскивает, а это список имен – вот он где, оказывается, одна женщина накануне дала ему, просила помолиться. А он так и не помолился, потерял листочек, а он вот где, оказывается. Ладно, думает, хоть перед смертью помолюсь, все-таки на один грех меньше. Зажег лампадку, перечислил всех, усердно обо всех помолвился, тут и гонг зазвонил – к ужину зовут, даже раньше обычного. Так и не повесился, на ужин пошел – может, опять «Стратосферу» дадут или хоть «Мишку на Севере». Иногда оставалось на следующий день.

Весельчак

Одного инока сжирала черная тоска. Он уж и так с ней, и эдак – не уходила. И был он в монастыре самым веселым человеком – всё шуточки шутил, всё посмеивался. Только в последний год инок погрузился и стал тихий, тоска его совершенно оставила, и можно было уже не шутить. Он вдруг начал слабеть, ослабел и умер. Во время его отпевания в храме разлилось благоухание, многим показалось – расцвела сирень. А это отец Василий победил дьявола.

Победа православия

В прошлой жизни отец Анатолий был программистом. Шептались, что гениальным.

Поступив в монастырь, ни по чему так он не тосковал, как по любимому компьютеру – обустроенному, с «Избранным» любимых ссылок, с автоматически меняющимися заставками, выплывающим при утренней загрузке облачком с прогнозом погоды, почтальоном Печкиным, сообщающим о приходе нового электронного письма, разными играми да забавами – в общем, со всем большим хозяйством, накопленным за годы студенчества, но сознательно оставленным в далеком Санкт-Петербурге – ради борьбы с привязанностями и спасения души.

Первые полтора года отец Анатолий (тогда еще просто Паша) провел на обычных для новоназначенного послушаниях – работал на стройке нового корпуса, косил траву, рубил дрова, то есть исполнял по преимуществу физическую работу. Когда же искус кончился и он был пострижен в рясофор, настоятель монастыря, незлой в принципе человек, начал выяснять, на что отец Анатолий годен еще, и, выяснив, весьма обрадовался. Дело происходило в конце 90-х, новые технологии наступали на пятки, два новеньких компьютера монастырю уже пожертвовали, но оба стояли неосвоенные, потому что умного хозяина на них не находилось. И дал отец настоятель отцу Анатолию новое послушание – оснастить компьютеры всем необходимым, завести настоятелю личную электронную почту, создать монастырский сайт – в общем, сделать всё, как в цивилизованных странах, и даже лучше.

Отец Анатолий заметно ожил. Уговорил настоятеля приобрести сканер, несколько раз ездил в деловые командировки за необходимыми для новой компьютеризированной жизни закупками. И вскоре у монастыря появился скромный, зато ежедневно обновляемый сайт с новостями, изречениями святых отцов, проповедями, постоянно пополняемой библиотекой душеполезной литературы, которую отец Анатолий активно сканировал. Отрывался от монитора «компьютерный батюшка» только на службы и трапезу, иногда даже ночевал на жестком диванчике возле своих возлюбленных железок. Всё что-то совершенствовал и над чем-то усердно трудился. Спустя некоторое время выяснилось, над чем.

И потянулись к нему иноки. Отчитав положенные правила и положив все поклоны, поздним вечером приходили они к отцу Анатолию посражаться в компьютерные игры. И нередко засиживались до зари. Особенно, конечно, молодежь. Пустых стрелялок-лопалок-тетрисов отец Анатолий, само собой, не держал, только чинные шашки, шахматы, но главное – еще две игры, написанные батюшкой собственноручно, долгими монастырскими ночами. Они-то и пользовались наибольшим спросом.

Первая называлась «Семь смертных грехов».

После заставки с отрывками из Иоанна Лествичника, напоминающими, как бороться с каждым из грехов, начиналось увлекательное путешествие. Фигурка монаха в черной рясе усаживалась на мотоцикл и отправлялась преодолевать соблазны, изображенные отцом Анатолием с большой выдумкой.

На первой остановке, «Тщеславие» (говорим это для читателя, потому что в игре никаких предупреждений о том, с каким грехом предстоит сражаться, не делалось), монаху предлагалось прочесть надпись над воротами в средневековый готический замок: «Плох тот монах, который не мечтает быть архиереем». Затем ворота с легким, намекающим на опасности скрипом отворялись, и радушные слуги вели монаха из залы в залу, более напоминавшие музейные комнаты. В каждой демонстрировались архиерейские облачения и головные уборы, один другого краше. Разрешалось даже примерить их на минутку, но если наивный пробовал выйти из замка, забыв снять с себя сверкающую бриллиантами архиерейскую митру или даже (глупец!) патриарший куколь, из-за экрана раздавался отвратительный демонический хохот, и тщеславный гордец летел в огненную реку. Лишь тот, у кого хватало ума примерить и снять наряды, а потом уйти восвояси, попадал на следующий уровень.

Здесь игрока соблазняли богатствами мира сего – уютной кельей-домиком с деревянной банькой (а из трубы уже вился дымок), банковскими счетами с сотнями долларов, машинами всех моделей и марок, рясами всех цветов и оттенков. На третьем уровне инока дразнили чуть не райскими монастырскими обителями. Насельники в них жили каждый в отдельной квартире, делали, что желали, а отец игумен был у них на посылках. Только того, кто не завидовал чужому счастью и не пытался здесь остаться, ждал новый уровень – «Гнев и раздражительность». Тут на экране просто вспыхивали красными буквами обидные прозвища. И вот что поистине изумления достойно: иные игравшие срезались именно тут, не умея понести этих детских, в сущности, обзывалок. «Эх ты, чернозадый!», «Вонючка», «Недоделанный», «Много на себя берешь, придурок», «В патриархи захотел?» – смеялся экран. Однако игроки-то понимали, что сочинил это все отец Анатолий, принимали за личную обиду, надувались, мстительно нажимали на тихо всплывавшие слева облачка с ответами и, совершенно насладившись «Сам дурак», «Да пошел ты», «Ишь ты, программист хренов», летели... понятно куда. В бушующую огненную реку.

Самые же стойкие отправлялись дальше – и тут у них спрашивала дорогу одна милая девушка, затем просила помочь сменить колесо другая, третья жалобно просила ее подвезти, четвертая в образе лягушки умоляла поцеловать и спасти от чар – однако вступать с девушками и лягушками в разговоры ни в коем случае было нельзя. Пройдя и этот уровень, игрок видел сообщение, что он давно и серьезно проголодался, – тут же на пути выскакивал роскошный

ресторан. С баром, уставленным напитками всех мастей, с кухнями всех народов мира. Важно было заметить рядом с рестораном скромную избушку – и остановиться возле нее. Только там изголодавшийся игрок получал стакан воды, три корочки хлеба, а также право двигаться дальше. Тут начинался дождь, монах вынужден был искать убежища, потому что мотоцикл не желал ехать по разбитой глинистой дороге, и убежище находилось... в собственном же монастыре, довольно правдоподобно отцом Анатолием изображенным. Дальше все шло тоже очень похоже на обычную монастырскую рутину: длиннющие службы, постная трапеза, какие-то мелкие обидные стычки с братьями, дополнительные неожиданные послушания – словом, сплошное уныние, это было, конечно, оно; игроку уже не шутя казалось, что отец Анатолий с этой частью явно подзатынул, но едва он соглашался с коварным предложением немедленно закончить этот этап и пойти развеяться – например, поиграть в игру на компьютере, как сейчас же... Ясное дело. Огненная река. Так что всё было весьма назидательно.

Ну а для тех, кто предпочитал развлечения попроще, любимой стала игра «Победа православия». На самом деле просто футбол. Только в одной команде сражались бородатые православные батюшки, а в другой – безбородые католические ксендзы. За ксендзов играл компьютер. Игра была так устроена, что едва счет оказывался не в пользу наших батюшек, ксендзы обязательно грубо нарушали правила, и им назначался пенальти. Православные не могли проиграть по определению. И побеждали всегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.